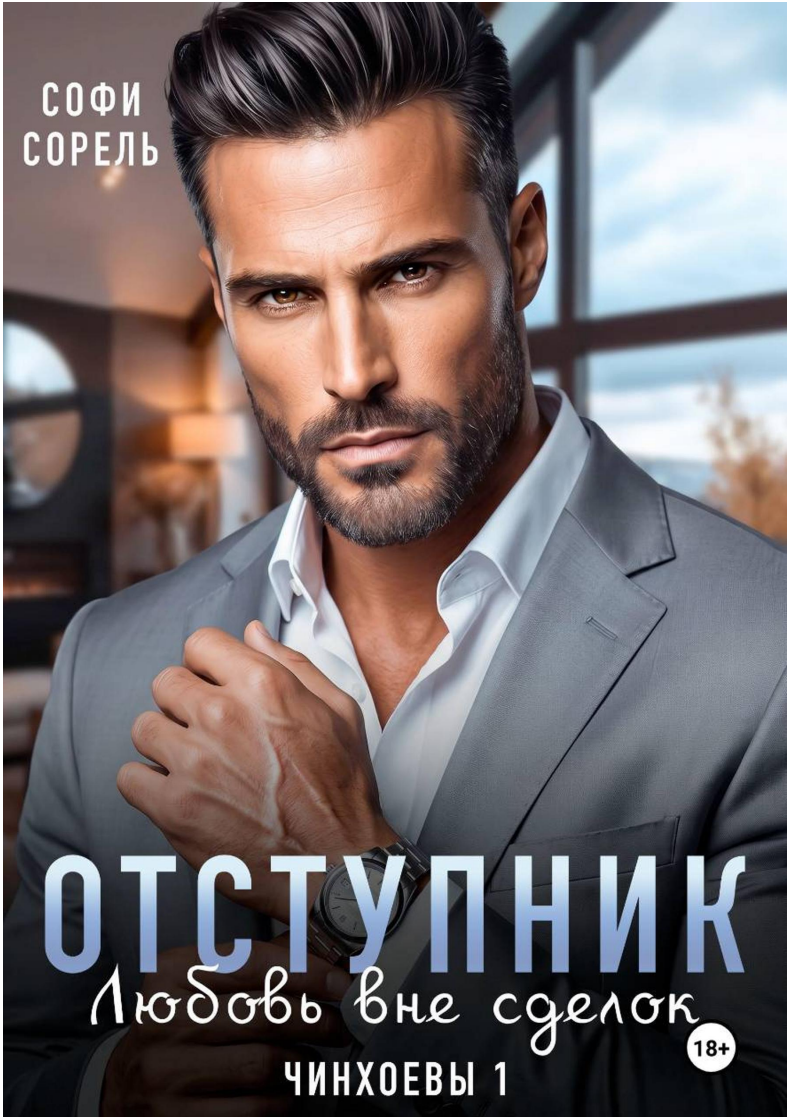
СОФИ
СОРЕЛЬ
ОТСТУПНИК
Любовь вне сделок
18+
ЧИНХОЕВЫ 1

Софи Сорель
Отступник. Любовь вне сделок

https://litres.ru/74715298
SelfPub; 2026

Аннотация

Он должен был получить всё. Она — исчезнуть навсегда.

Ильяс Чинхоев — успешный бизнесмен, наследник империи, привыкший побеждать. Когда оглашают завещание отца, в котором покойный ставит всем братьям Чинхоевым одно условие: «Женитесь и родите наследников не позже, чем через два года», Ильяс лишь смеется. У него уже есть идеальная жена — красавица Лала.

Но в день оглашения завещания Лала исчезает, оставив лишь обручальное кольцо... и положительный тест на беременность.

Теперь Ильясу предстоит:

Выбрать между миллиардами и женой, которая не верит в его искренность.

Разгадать игру серого кардинала, манипулирующего каждым членом семьи.

Узнать страшный диагноз будущего ребенка... и решить, готов ли он остаться.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	47
Глава 7	52
Глава 8	58
Глава 9	64
Глава 10	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Отступник. Любовь вне сделок

Пролог

Дождь стучал в окна автомобиля, как назойливый коллектор, пришедший потребовать немедленной уплаты долгов. Я сжал и разжал пальцы левой руки. Перевернул и посмотрел на ладонь. От самого ее центра до кончика безымянного пальца бежал белый шрам, который когда-то отец назвал «меткой предателя». Я носил ее с гордостью, ведь шрам стал той чертой, что окончательно разделила нас с отцом. «Ты выбрал свободу вместо семьи, — сказал он тогда. — Посмотрим, чем это для тебя обернется». Великий Аслан Чинхоев был тогда уверен в своей правоте и моей никчемности. Впрочем, мы все для него были никчемными. К концу жизни он умудрился испортить отношения с каждым из своих детей.

— Ну что ж, — усмехнулся я, — посмотрим, старик, кто кого переиграет.

По крайней мере в этом раунде я одержал победу — я пережил отца и не пошел по миру, на что он открыто надеялся все эти годы.

Я вышел из машины и быстро поднялся по высоким ступенькам парадного входа в фамильный особняк Чинхоевых.

Господи, сколько же я сюда не приезжал? Года два?

Огромный дом встретил меня ледяным холодом и молчанием. Вышколенный слуга, открывший мне двери, проводил до кабинета отца. Бывшего кабинета отца, — напомнил я себе. Теперь о нем нужно будет думать только в прошедшем времени.

Все уже были в сборе. Старший брат Заур стоял спиной к двери, уперев одну руку в бок, будто демонстрируя, кто здесь теперь главный. При моем появлении он обернулся и нахмурился, впрочем, я не помнил на лице брата какого-нибудь другого выражения.

Салман нервно теребил запонку с фамильным гербом — единственный из нас, кто до сих пор верил в «честь рода» и «семью Чинхоевых». Халид, самый младший из нас четверых, вальяжно раскинулся в кресле и отстраненно смотрел в окно, будто искал там что-то более интересное. А Амина...

— Ты опоздал на сорок минут. — Сестра подскочила ко мне, ткнула пальчиком с черным маникюром в грудь и подставила щеку для поцелуя. — Как обычно.

Я усмехнулся и достал из внутреннего кармана конверт:

— Привез тебе подарок. Последний счет от нашего дорогого папочки. У твоего дурацкого арт-фонда долг в три миллиона.

Ее глаза вспыхнули, но спорить Амина не стала. Мы все знали правила: в этом доме *любая* помощь имела *цену*. А выставленный сестре счет как бы напоминал с того света, что

отец и теперь не собирался оставлять нас в покое.

— Подумаешь, каких-то три ляма, — лениво протянул Халид и усмехнулся.

Мы все знали, что теперь, когда отец умер, такие суммы даже для Амины станут смехотворными. Сестре больше не придется клянчить деньги. Скоро она станет одной из самых богатых женщин в стране.

Наследство. Отец не мог собрать нас при жизни, потому что мы не ладили между собой. Зато собрал после смерти. Вернее, собрали его денежки. Каждый из нас должен унаследовать приличный кусок из семейных богатств.

— Раз уж ты наконец явился, я позову Михаила Александровича, — сухо сказал Заур. — Пора покончить с этим.

Брат вызвал слугу и велел тому пригласить семейного адвоката. Якубович работал на отца всю жизнь и теперь держал в руках самое для нас заветное — отцовское завещание. По какой-то дурацкой прихоти тот велел огласить завещание на сороковой день после своей кончины. Своеобразные поминки, так сказать. Вместо чтения молитв, будем читать завещание.

Якубович вошел в кабинет, тихо поприветствовав меня, и прошел к отцовскому столу, бросив вопросительный взгляд на Заура. Брат кивком позволил Михаилу Александровичу сесть в кресло отца. Сам Заур сел в одно из свободных кресел напротив. Я отошел к окну и переглянулся с Халидом. Тот закатил глаза, показывая, как его бесят все эти церемонии.

Михаил Александрович окинул нас внимательным взглядом и посмотрел на часы.

— Приступайте, — скомандовал Заур.

— Одну минутку. — Я заметил, как у адвоката вспотел лоб, и он, достав огромный носовой платок в бело-малиновую клетку, протер его.

Он открыл черную папку, переложил документы из нее на стол, потом обратно в папку.

— Что вы медлите? — не выдержал я. — Давайте читайте уже это завещание, и мы все разойдемся по своим делам.

— Я прошу прощения, Ильяс Асланович, но нам нужно дождаться всех… членов семьи.

— Мы все здесь, — резко бросил Салман. Даже самый спокойный из нас не выдержал.

— Не совсем, — сказал Якубович и снова нервно взглянул на часы.

— Вы вдруг разучились считать? — съязвила Амина.

— Давайте подождем еще пару минут…

— Да кого нам ждать? — вскричали мы с Зауром практически в один голос, недовольно переглянулись и замолчали.

Дверь с грохотом распахнулась. Мы все, как по команде, обернулись.

В проеме стоял высокий, бородатый мужчина, с лицом, будто высеченным из того же камня, что и у отца. Я бы сказал, что это было не просто сходство, а… СХОДСТВО! Правда, в позе и движениях незнакомца читалось что-то ди-

кое, необузданное. Отцу же была свойственна ледяная холодность и полный самоконтроль. Этим в него пошел Заур.

— Это кто? — пробормотала побледневшая Амина.

— Меня зовут Дауд, — сказал незнакомец, а его следующие слова прозвучали словно выстрел. — Я ваш брат.

Повисла долгая тишина. Мы все смотрели на вновь прибывшего, пытаясь понять, шутка ли это, а он спокойно стоял чуть поодаль, не обращая ни на кого из нас внимания.

Первым взорвался Заур.

— Какой еще брат?!

— У нас нет больше братьев, — удивленно проблеял Салман.

— Охренеть заявы! — высказался Халид в своей хамоватой манере.

Адвокат поднял руку, пытаясь всех успокоить:

— Я все объясню. Дауд и правда ваш брат… Он сын Аслана Руслановича не от вашей матери, а от…

— Какой-то шлюхи? — зло прорычал я.

— Ты мою мать шлюхой назвал? — прищурился Дауд и шагнул ко мне.

— Успокойтесь, — встала между нами откуда-то взявшаяся Амина. — Давайте все успокоимся! — взмолилась она.

Я поднял руки в знак того, что умолкаю. Заур был чернее тучи. Салман явно нервничал, и лишь Халид казался безразличным ко всему происходящему.

— Дауд родился не от брака вашего отца с вашей мате-

рью, — продолжил объяснять Якубович. — Однако Аслан Русланович признал его и всю жизнь помогал. Дауд Чинхоев включен в завещание наравне со всеми детьми Аслана Руслановича.

Я почувствовал, как внутри меня вулканом закипает гнев.

Отец! Ты и после смерти умеешь все перевернуть. Ты и теперь с нами играешь.

Дауд обвел взглядом нас всех. В его глазах читалась неприкрытая ненависть.

И я понял: это война. Отец собрал нас здесь не для того, чтобы каждый получил свою долю и ушел с миром. Он собрал нас, чтобы стравить и посмотреть с того света на эту заварушку.

— Давайте перейдем к оглашению завещания, — попросила Амина.

— И давайте без всех этих заумных слов, — поддержал ее Халид. — Сразу к самому главному: кому, сколько и чего.

Якубович начал зачитывать завещание. Он быстро пробежался по основным положениям и, сделав долгую паузу, вдруг прочитал:

— ...каждый из моих детей — Дауд, Заур, Ильяс, Салман, Халид и Амина — обязан вступить в брак и обеспечить рождение наследника в течение двух лет с момента оглашения завещания...

Я расхохотался.

— Что, даже Халиду нужно жениться? — Брат вот уже

много лет уверял нас всех, что брак не для него. Он был категорически против женитьбы и обещал, что никогда не сделает такой глупости. Тем более — не заведет детей.

— Да, абсолютно все должны вступить в брак и родить ребенка, — подтвердил Якубович. — Если по истечении этого срока данное условие не будет выполнено, то вы автоматически лишитесь своей доли наследства.

— А если я не смогу родить? — выкрикнула Амина. — Или их жены не смогут, что тогда?

— А ты найди такого мужика, от которого начнешь плодиться, как кошка, — коротко рассмеялся Халид.

Это условие было неожиданным и неприятным для всех, но мы и не подозревали, что самое интересное ждало нас впереди.

— Для Ильяса Аслановича Чинхоева есть особое условие, — сказал адвокат.

— Какое еще особое условие? И почему именно для меня? — вспылил я. — Потому что я уже женат? И отец решил, что тогда все будет слишком просто для меня?

Проигнорировав мой вопрос, Якубович огласил:

— Вы должны присоединить свою компанию к семейному холдингу, и тогда, при условии наличествующего брака и рождения наследника, вы получите тридцать четыре процента акций холдинга, а также пост сопредседателя совета директоров, совместно с Зауром Аслановичем...

Заур медленно повернулся. В его глазах я прочитал хо-

лодную ярость человека, который уже успел разделить шкуру неубитого медведя.

— Неужто думаешь, я позволю тебе занять место в совете директоров? — прорычал он.

— А что ты можешь? — еле сдерживая злость, проговорил я. — Это воля нашего драгоценного папочки.

Старый маразматик! Он знал, что я скорее сгорю в аду, чем снова стану партнером Заура. Он знал, что Заур скорее сожрет свою селезенку, чем захочет работать со мной. Он знал, что мы убьем друг друга, и специально пошел на это. Зачем? Какого черта задумал этот старый лис?

— Но и это еще не все, — сказал Якубович. — Если вы оба, — он посмотрел на нас с Зауром, — не выполните условия завещания, то ваши доли — обе или того, кто не сможет выполнить отцовскую волю, — перейдут Дауду Аслановичу.

— А если он не выполнит условия? — рыкнул Заур.

— Тогда и холдинг, и все остальное уйдет в благотворительный фонд помощи вымирающим видам… винторогих козлов, — прочитал Якубович и покраснел, боясь поднять на нас глаза.

— Кого? — обалдел я.

Сначала повисла тишина, а потом раздался хохот Халида. Брат буквально покатывался со смеху.

— Винторогих козлов! Нет, вы слышали? Винторогих козлов! А мы думали, что у отца не было чувства юмора.

— Добро пожаловать в ад, Дауд, — обронила Амина, по-

косившись на новоиспеченного братца.

Я повернулся к Зауру:

— Кажется, нам с тобой предстоит... — Я намеренно сделал паузу, — ...увлекательное сотрудничество.

И рассмеялся.

Пока все они метались, проклиная отца и его завещание, я уже выполнил одно из условий. Два года в браке. Никаких дурацких поисков невест, никаких унизительных сделок. Ребенок? Не проблема. Мы с Лалой как раз планировали обзавестись потомством. Что же касалось фирмы и присоединения к холдингу? А почему бы… Да! Поджарить булки старшему братцу — за милую душу.

— Что ж, вы пока думайте, где вам брать жен и мужа, а я поеду домой делать наследничка, — расплылся я в улыбке и направился к выходу.

— Кстати, — остановил меня Якубович, — развод приравнивается к провалу условий. То есть если сейчас вы женаты, а к моменту вступления завещания в силу разведетесь, то этот брак не в счет.

— Я уж точно не собираюсь разводиться, — улыбнулся я, — а эти… Пусть ищут невест!

Заур стиснул челюсти. Салман удивленно поднял брови. Дауд окидывал всех испепеляющими взглядами. Халид, пройдоха, оторвал взгляд от мобильника и усмехнулся, будто знал что-то, чего не знал я.

Амина съязвила:

— Ты уверен, что Лале понравится идея с ребенком, который нужен тебе только ради наследства?

Я фыркнул. Лале ничего не надо было говорить. Она даже не знала, что сегодня оглашение завещания. Моя жена никогда не лезла в мои семейные дела.

Идеальная жена для такого мужчины, как я.

***

Улыбка победителя, с которой я вошел домой, сползла, когда на мой зов жена не откликнулась.

— Лала, я дома! — снова крикнул я. — Где ты, моя сладкая?

Тишина.

Странно. Обычно она выбегала и бросалась в мои объятия. Мы искренне любили друг друга. Если не считать несколько напряженных последних недель, у нас все было прекрасно.

Я прошел в спальню.

На идеально разглаженном кремовом покрывале небрежно валялось обручальное кольцо Лалы.

Дверь в гардеробную была распахнута, а когда я вошел в нее, то увидел, что ни одной вещи Лалы не осталось.

Она ушла. Ушла от меня. Собрала одежду, оставила кольцо и ушла.

Ушла от меня?

Этого не может быть!

Глава 1

Ильяс

Поверить в то, что Лала ушла от меня, я не мог. Это какая-то шутка. Наверное, жена уехала к матери. Да, точно. Она ведь говорила, что съездит к родителям на пару дней.

Я бросил взгляд на кровать, где по-прежнему одиноко лежало обручальное кольцо. Наверное, соскользнуло с пальца, когда Лала заправляла постель.

Этой мысли я обрадовался, как ребенок. В сторону пустого гардероба даже не смотрел. Даже думать не хотел о том, о чем кричали пустые полки и вешалки.

Лала не могла бы уйти от меня. Она слишком сильно любила меня. И я… Я тоже ее любил, наверное.

Сначала я ей увлекся, как может успешный мужчина увлечься молодой красивой девушкой. Лала была не похожа на других женщин, что окружали меня. От нее словно веяло невинностью весеннего утра. Оно и понятно — Лала долгое время прожила с дедом-горцем где-то в отдаленном районе Дагестана, а в столицу приехала лет в пятнадцать-шестнадцать. Ее отец хотел, чтобы дочь получила хорошее образование, но при этом держал дочь в узде: никаких вечеринок, клубов, тусовок. Образование Лала получила, а потом, на последнем курсе университета, вышла за меня замуж. Если

не считать нескольких месяцев ухаживаний, мы были вместе чуть больше двух лет. Два года счастливого брака, безоблачных отношений.

Лала ни разу не пожалела, что променяла карьеру на семью. Ни разу не пожалела, что вышла за меня замуж. Или же… Я снова покосился на кольцо.

— Твою мать, — прорычал я и достал мобильник.

Нажал кнопку вызова — абонент не абонент.

— Лала, возьми трубку, — простонал я.

Жена была вне зоны доступа. Я выключил телефон, и меня оглушила тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов в гостиной. Тех самых, что мы купили в Париже во время медового месяца. Лала смеялась тогда, говорила, что эти часы как наша любовь — красивые, дорогие и вечные.

Часы по-прежнему шли. Лалы не было.

Я снова схватил телефон. Снова позвонил. Не получив ответа, отправил сообщение. В один мессенджер, во второй, в третий. Я подождал пару минут и увидел, что они так и остались непрочитанными.

— Да где же ты, Лала? Что за игра в прятки?

Меня бросило в пот, сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди. Я действительно не понимал, куда делась моя жена. Или понимал?

Но если она ушла, тогда в чем причина? В чем, черт возьми, причина?! Вот чего я не понимал абсолютно точно, и это меня бесило. А если прибавить сюда папашино завещание с

особыми условиями, то бесило вдвойне. И надо же было Лале исчезнуть именно сегодня!

Мы ведь не ссорились. Вчера вечером я поцеловал жену перед сном. Утром она сварила мне кофе. Всё как всегда.

Я решил позвонить теще, хоть сделать это было сложно. Мало того, что мы не особо ладили… Что я ей скажу? Что Лала пропала, а на кровати валяется ее кольцо?

Тем не менее тревога взяла верх, и я набрал номер тещи.

— Хеда Адамовна, добрый день.

— А, Ильяс, сынок, здравствуй. — Голос тещи звучал мелодично и вроде бы как обычно, однако в этом «сынок» мне послышалась издевка.

— Лала, случайно, не у вас?

— Нет, а что? — тут же насторожилась она.

— Она вроде бы к вам собиралась на днях. Хотел уточнить, не приехала ли?

Родители Лалы жили это лето за городом, довольно далеко от Москвы, где они купили дом.

— Нет, она к нам не приедет. Еще утром позвонила и сказала, что у нее какие-то дела, так что мы ее не ждем, — сказала теща и пытливо уточнила: — Вы поссорились, Ильяс?

— А вы так и ждете, чтобы мы поссорились? — раздраженно бросил я.

— Нет, но…

— У нее телефон сел, вот я и подумал, что…

— У вас явно что-то случилось. Ты что-то сделал, да? Ты

обидел Лалу? — запричитала теща. — Ты думаешь, если ты Чинхоев, то все можно? Делимхан! — заорала она, зовя мужа. — Делимхан.

— Да идите вы, — выругался я и сбросил вызов.

Вот так всегда. Родители Лалы все два года нашего брака ждали от меня подвоха. Их, видите ли, не устраивает, что мы Чинхоевы не дагестанцы, а чеченцы, и то наполовину. Мама-то у нас русская. А они для Лалы хотели чистокровный брак. Ага, как же, хотели они! Хотели бы — не стали бы привозить девочку в Москву. Пусть радуются, что она за меня замуж вышла, а не за чисто русского. Вот бы они запели!

Проведя рукой по волосам, я уставился на мобильник. И где мне, прикажешь искать тебя, Лала?

Телефон завибрировал, и я увидел сообщение от младшего брата, Халида.

Оно долбануло меня, как плевок в лицо: «Ну что, гений, теперь и ты без жены?»

Чего? Чего-чего-чего? А этот откуда знает? Тут же я вспомнил его хитрую ухмылку, которой брат одарил меня, когда я выходил из кабинета после оглашения завещания. Я был уверен, что уже обскакал всех братьев в выполнении одного из пунктов, а Халид… Он явно что-то знал.

Я позвонил ему.

— Ты... Ты что-то сказал Лале?

— Я? — Голос Халида прозвучал невинно издевательски. — Что я мог сказать твоей милой женушке?

— Тогда что значит твое сообщение?

— Ну…

— А ну говори! — рявкнул я.

Он хихикнул.

— Ладно, так и быть, поделюсь с тобой по-братски, — вздохнул он. — Лала спрашивала, где ты был в ту пятницу. Я честно ответил.

— В какую еще пятницу?!

— Ты что, не помнишь? — его голос стал ядовитым. — Мой клуб. Ты, бутылка «Джона Уокера» и та рыжая танцовщица из моего VIP-зала. Ты реально не помнишь?

В голове щелкнуло, а в глазах потемнело. Мысли и образы, которые я все это время гнал от себя, снова возникли, как наяву.

В тот вечер я был зол. Из-за всего зол. Из-за смерти отца. Из-за сорвавшейся сделки. Еще и Заур масла в огонь подлил.

Ночь. Пьяный угар. Чужие губы, что-то шепчущие мне на ухо. Музыка. Алкоголь. Смятые простыни. Утро. Незнакомая голая женщина… Ужас от осознания. Стыд.

Я забыл об этом, как только покинул ту квартиру. И был уверен, что Лала никогда не узнает.

— Ну ты и говнюк! — выругался я на брата.

— Всегда рад помочь, брат, — рассмеялся Халид. — Всегда рад помочь. Так же, как и ты однажды помог мне.

— О чем ты?

— Ты даже не помнишь. Как удобно не помнить о соб-

ственном дерьме, правда?

Халид повесил трубку.

Глава 2

Лала

Две недели назад

Я сжала в руках остывший стакан чая. Восьмой раз за последние двадцать минут я проверила телефон. Ни звонков, ни сообщений.

Где же ты, Ильяс? Опять на совещании?

Я не была ревнивой, верила мужу безоговорочно, но что-то случилось после смерти его отца — Ильяс стал сам не свой. Они никогда не ладили с Асланом Руслановичем. Порой мне казалось — даже ненавидели друг друга. Я всегда думала, что это из-за меня. Отец Ильяса не одобрял наш брак. Не просто не одобрял — он всячески ему противился. Я знала, что муж ссорился со своим отцом и до нашей свадьбы, но за последние два года их отношения стали из ряда вон плохими.

Я думала, смерть отца заставит Ильяса почувствовать облегчение, освобождение от строгих отцовских пут, но муж, наоборот, ушел в себя и стал больше пропадать на работе.

Вчера он пришел под утро, пахнущий чужими духами и перегаром. «Деловые переговоры», — буркнул он и, едва завалившись на кровать, уснул.

К обеду я ушла по делам, решив поговорить с Ильясом, когда вернусь. Но к тому моменту, как я снова оказалась дома, тот был уже пуст. Где муж был вчера? Почему заявился в таком виде? Куда теперь уехал? На очередные «деловые переговоры»? Но ведь сегодня суббота.

Не желая оставаться дома в полном одиночестве, я отправилась в кафе. До Ильяса дозвониться не смогла. Сообщения он не прочитал.

Я уже собралась допить чай и уйти, как вдруг тень упала на мой столик. Я подняла глаза. Передо мной стоял высокий мужчина в черной кожанке. Густая, но аккуратная борода. Шрам над бровью. Холодные глаза. Он мне кого-то напомнил, но я не могла понять кого.

— Можно? — спросил он и, не дожидаясь ответа, сел.

Я вопросительно вскинула бровь, собираясь запротестовать. Однако мужчина достал конверт и положил передо мной.

— Вам стоит это увидеть.

— Что это? — отчего-то дрожащим голосом спросила я.

— Откройте.

Я, словно завороженная, то ли его властным голосом, то ли любопытством, потянулась к конверту и открыла его.

Внутри оказалась фотография. На ней был запечатлен мой муж в полутемном зале клуба. Ильяс широко улыбался, склонившись к уху какой-то рыжеволосой девушки.

— Кто вы? — прошептала я, поднимая глаза на сидевшего

напротив мужчину. — Что это?

— Ваш муж, как видите, накануне вечером. — Он ткнул пальцем в дату в углу фотографии. — Там еще одна.

Я машинально вытащила второе фото и похолодела. На кровати лежал Ильяс, а на нем сидела все та же рыжеволосая женщина. Лица были плохо видны, но запрокинутая за голову рука с раскрытой ладонью, по которой полз кривой белый шрам, не оставляла сомнений — это мой муж.

— Зачем вы показываете мне это?

— Потому что ненавижу ложь. Уверен, вы тоже. Вы же Цурова.

— Откуда вы…

Но мужчина уже шагал прочь.

Дрожащей рукой я сжала фото. Ильяс и какая-то женщина. Так вот почему от него так воняло женскими духами. Но… Я сглотнула, чувствуя, как к щекам приливает жар. Но ведь это фото еще ни о чем не говорит. Или говорит?

Я набрала номер Халида, тот ответил лишь спустя минуту.

— Лала, привет, — жизнерадостно проговорил брат моего мужа.

— Скажи, Ильяс был у тебя в клубе накануне вечером?

— А почему ты спрашиваешь? Он что, не ночевал дома? — хмыкнул Халид.

— Ночевал, но…

— Тогда тебе не о чем беспокоиться.

— Он там был с женщиной, да? — крикнула я в телефон.

— Я ничего не знаю, Лала. — И Халид повесил трубку.

Как же! Братья Чинхоевы! Они могли грызться между собой, как бешеные псы, но умели хранить секреты друг друга, если кто-то извне пытался их узнать. Я была «кем-то извне». Хоть и стала Чинхоевой по мужу, но кровь-то у меня другая, чужая.

Сегодня

Утро началось с ножа. Он соскользнул с мокрой апельсиновой кожуры, оставив на пальце тонкий порез. Я наблюдала, как капля крови растекается по мраморной столешнице, рисуя причудливый узор.

Ильяс вернулся домой поздно, когда я уже спала. Я лишь почувствовала его крепкие руки вокруг своей талии и поцелуй в макушку. Краем сонного сознания я уловила, что на этот раз от него пахнет его собственной туалетной водой, без какой-либо примеси алкоголя или женских духов. В конце концов, это всего лишь фотография из клуба. Он и раньше иногда заглядывал к Халиду. Это ничего не значит, ничего не значит.

Утром Ильяс встал намного позже меня.

— Маленькая моя, я опаздываю. — Он залпом осушил приготовленный мною кофе и выскочил из квартиры.

Мне показалось, что муж избегал смотреть мне в глаза. Что он вообще меня избегал. С пятницы мы практически

не виделись. Нет, сегодня я решительно с ним поговорю и даже покажу это проклятое фото. Не буду кричать, ругать или предъявлять претензии, просто сяду напротив, положу перед ним снимок и спрошу, почему какой-то незнакомец вручает мне подобное.

Однако мои планы оказались неосуществимы. Следующие две недели пролетели точно в таком же темпе: утро, поцелуй на прощание, позднее возвращение домой, поцелуй в макушку, утро…

Я умела ждать. Всегда была терпеливой. Я даже решила, что забуду и про того мужчину из кафе, и про фото… Пока забуду. Подожду, пока Ильяс придет в себя, вылезет из своей скорлупы, а потом поговорю.

Мне было, что ему сказать. Я взяла в руки тест на беременность, где рдели две яркие полоски. Вот уже несколько недель я не могу обрадовать мужа новостью, что он станет отцом. Все потому, что я совсем не вижу Ильяса. Утро, поцелуй перед уходом в офис его компании, поцелуй, когда я уже сплю, утро…

Мои размышления были нарушены пришедшим сообщением от Халида.

«Ты хотела знать, что делал твой любезный муженек в ту пятницу вечером? Ильяс был в моем клубе, со стриптизершей, потом они поехали к ней. Если хочешь, вот ее номер, Марина сама тебе расскажет подробности».

Ладони сами потянулись к животу, где теплилась новая

жизнь — жизнь, теперь ставшая моей тайной. Я закусила губу, чтобы не завыть в голос. Глаза предательски наполнились слезами, но плакать я себе не позволила. Я Цурова. Мы, Цуровы, не плачем. А также не устраиваем истерик, не звоним стриптизершам, чтобы узнать скабрезные подробности, не задаем унижающих наше достоинство вопросов.

Вещи собирались с методичностью, которой меня научила мать. Шелковый шарф, паспорт, теплые колготки (отец всегда говорил, что русские мужчины не умеют беречь жен от холода, а Ильяс был наполовину русским, полукровка, что даже хуже, в глазах отца).

Я намеренно оставила фамильные украшения — все до одного. Пусть Ильяс объяснит тете Заире, почему ее бриллиантами побрезговали. Обручальное кольцо тоже оставила. Бросила на кровать. Не факт, что он его сразу заметит. Может, и моего исчезновения не заметит?

Когда я вышла из дома и села в вызванное такси, первым порывом было поехать к родителям.

«Что скажет отец?» — мелькнуло в голове.

Он не станет обнимать меня, не посочувствует, лишь посмотрит строго и с упреком скажет: «Я же предупреждал. Чинхоевы — грязь». А потом отправит обратно к Ильясу. Потому что уйти от мужа — это позор. Уйти от мужа с ребенком в животе — непозволительный позор и пятно на роде Цуровых.

Мать наверняка пожалеет, но примет сторону отца и ска-

жет: «Терпи, Лалочка, терпи». А я терпеть не хотела.

— Мы можем поехать по другому адресу? — окликнула я водителя.

— Куда?

— На автовокзал.

В этом мире есть только один человек, который встанет на мою сторону и не заставит вернуться к мужу-изменщику.

Мой дед.

Глава 3

Лала. *Два с половиной года назад*

Снег выпал неожиданно — крупными, тяжелыми хлопьями, застилая улицы города белой пеленой. Я стояла у окна в отцовском кабинете, наблюдая, как снежинки быстро-быстро оседают на землю, укрывая ее пушистым покровом. Те из них, что оказывались на стекле, быстро таяли. Точно так же таяла моя надежда выйти из этого дома без скандала.

За спиной гремел отцовский голос:

— Ты с ума сошла, Лалочка! Чинхоевы? Чинхоевы! Да ты знаешь, что этот род натворил в девяностые?

Я знала, без подробностей, но знала. В моем родном Дагестане, где я провела все детство и юность вплоть до пятнадцати лет, истории о московских чеченских кланах передавались шепотом, обрастая леденящими кровь подробностями. Наверное, на девяносто процентов они были лживыми, а может, и на все сто. Мой отец патологически не выносил Чинхоевых, а меня угораздило влюбиться в одного из них. Но мне было все равно. Все эти жуткие байки про страшные, лихие времена, про род, забывший корни, про какую-то вражду между семьями — всё это не имело ко мне никакого отношения. Ни ко мне, ни к моему избраннику.

Тогда, два месяца назад, когда Ильяс впервые привез ме-

ня на свою виллу в Подмосковье, когда мы пили шампанское у камина (мое первое в жизни шампанское), а он читал мне стихи Ахматовой — не те, что в учебниках, а те, что про настоящую любовь, которая движет солнце и планеты — мне казалось, что ничего не имеет значения. Даже то, что Ильяс оказался Чинхоевым. Даже то, что мои родители наверняка будут против этого союза. Я верила: наша любовь выше всяких грязных историй.

Наше чувство было как вспышка, как зародившаяся из ниоткуда планета, как горный ветер, который вдруг, в затишье, сорвался с вершин и закружил нас в своем вихре…

Отец орал, брызжа слюной. Мать молча подала мне чашку чая с лимоном.

— Он же полукровка, — с упреком и явной брезгливость сказала мама, будто это было самое страшное на свете. — Русская мать, отец-чеченец... Да он даже языка толком не знает!

Я сжала чашку так, что пальцы побелели.

— Мам, Ильяс говорит на трех языках. И зарабатывает в десять раз больше папы.

Удар хрустальной пепельницы об пол заставил меня подпрыгнуть от страха, но в то же время преисполниться решимости. Отец вскочил, и его тень накрыла меня целиком — огромная, как те горы, в которых я росла и которые веками защищали наш род, род Цуровых, от чужаков.

— Деньги?! Ты мне про деньги будешь говорить?! — про-

рычал отец. — Думаешь за деньги можно купить чистое имя и незапятнанную репутацию?

— Репутация Чинхоевых ничем не хуже нашей, — возразила я. — Не знаю, что там делал его отец в девяностые, но Ильяс не имеет к этому отношения. Он вообще не ладит с отцом. Они не общаются.

Я думала, это станет аргументом в пользу Ильяса, но, кажется, ошиблась — отец лишь сильнее побагровел.

— Ни чести, ни достоинства, ни сыновней почтительности, — прошипел он.

Пальцы отца впились в корешок семейного Корана на полке — той самой книги, что пережила многое: депортацию, войну, перестройку. Символ всего, что для него значило слово «род».

— Он любит меня, — тихо сказала я.

Повисла густая тишина, как валивший за окном снег. Даже высокие напольные часы в углу, подаренные отцу главой республики, будто перестали тикать.

Мать первой не выдержала.

— Любит... — Она закусила губу, оставляя на алой помаде следы зубов. — А ты знаешь, что его отец сделал с первой женой? Выгнал беременную на улицу, когда та заболела!

— Это неправда... — помотала я головой.

— Правда! — Мать резко встала, и ее шелковый платок соскользнул, обнажив седину. — Тетя Зарина лично видела, как много месяцев спустя та женщина с грудным ребенком

стояла у метро в мороз…

— Хеда, — предостерегающе остановил ее папа, но мама лишь отмахнулась от него и посмотрела таким взглядом, будто говорила: «Не бойся, я не сболтну лишнего».

— А знаешь почему? — продолжила мать, обращаясь ко мне. Мамин палец вонзился мне в грудь. — Потому что Аслан Чинхоев — предатель, который попрал старые законы. Трус. Шакал! Настоящие мужчины не предают. Ни жен. Ни кровь. Ни традиции.

— Мне все равно, что сделал отец Ильяса. Ильяс не такой! — Я гордо вскинула подбородок и с вызовом посмотрела в глаза отцу.

Отец мог орать сколько хочет, а мама пусть продолжает свои страшные байки про чеченцев-полукровок. Они просто-напросто хотели запугать меня, ведь отец был уверен, что я выйду замуж за того, кого он выберет мне. Только вот не учел, что пока он тут, в Москве, отстраивал новый бизнес, я осталась на попечении дедушки Ибры. А кто такой Ибрагим Султанович Цуров? Человек, которого боялись и уважали все в округе. И я была его внучкой. Он научил меня быть смелой!

Снег за окном теперь казался пеплом. Я вдруг вспомнила, как неделю назад Ильяс, смеясь, назвал моего отца «хранителем горных устоев». А еще вспомнила, как вчера, целуя мою шею, он пробормотал: «Ты же не такая, как все эти ваши… девушки с их дурацкими обычаями?»

Я подняла глаза на родителей — этих двух стареющих львов, защищающих свой прайд. Отец смотрел на меня с жалостью и решительностью. Я знала, что он не допустит нашего с Ильясом союза, если только я… если только я…

— Дело в том, папа, — твердо сказала я. — Дело в том, что если ты не позволишь Ильясу взять меня в жены, то никто другой все равно не женится на мне.

— Почему? — замер он.

Я стеснительно опустила глаза. Мама охнула. Отец схватился за сердце.

— Он… Он посмел тронуть тебя до свадьбы?

— Я сама позволила ему, — отрезала я и встала, заспешив к выходу.

— Ты куда? — крикнула мать.

— К своему жениху, — ответила я. — Скажу, что вы готовы выбрать день свадьбы. А заодно позвоню дедушке. Он наверняка обрадуется.

Наверное, мое «признание» окончательно уронило репутацию Ильяса в глазах родителей, но я понимала, что это был единственный способ убедить их. Приехавший в Москву дедушка Ибра положил конец спорам и крикам. Не знаю уж, что он сказал отцу, но тот больше не проклинал меня и не называл «падшей вороной».

Уже потом, когда мы с Ильясом поставили свои подписи в загсе и перед самым началом свадебного торжества, я сказала маме:

— Я обманула вас с отцом и выхожу замуж девушкой. Если отец не поверит, мы с Ильясом можем завтра предъявить ему простыню после нашей первой брачной ночи, как это делали в старые времена.

Мама облегченно выдохнула.

— Я так и знала. — Она крепко меня обняла. — Ты слишком умна, чтобы так довериться какому-то Чинхоеву до свадьбы.

Даже эта фраза давала понять: родители смирились с моим выбором, но одобрять его не собирались… И принимать Ильяса не собирались тоже.

Глава 4

Ильяс

Я ворвался в клуб Халида, с такой силой распахнув дверь, что она чуть с петель не слетела. Было всего пять часов — нерабочее время для ночного заведения, поэтому внутри было пусто, даже вышибал на входе не видно. Халид явно никого и ничего не боялся.

Тишина здесь казалась неестественной, почти кощунственной. Безлюдный зал, погруженный в полумрак, напоминал сцену после финального акта — декорации еще на месте, но жизнь из них ушла. Правда, сцена эта была чистой — заведение готовилось к очередной бурной ночи.

Барная стойка, обычно сверкающая рядами бутылок и переливающаяся красно-оранжевым светом, создававшим эффект адского пламени, теперь лишь тускло отражала редкие солнечные лучи, пробивающиеся из небольшого окна сбоку. Стеклянные бокалы, идеально вычищенные и перевернутые вверх дном, застыли в ожидании вечера, когда их снова наполнят льдом и алкоголем.

Огромный диско-шар, неподвижный и пыльный, сейчас не дробил свет на тысячи искр. Я поморщился, вдруг вспомнив тот вечер, когда сидел здесь, напиваясь, чтобы забыть о проблемах, и жмурясь от лучей стробоскопа.

Кресла и диваны в VIP-зоне, обычно окутанные дымом и смехом, теперь были погружены в полную темноту — в той части клуба освещение не включили.

Я принюхался. Как странно. Даже воздух здесь другой — нет густого аромата духов, табака, пота, сладких коктейлей. Только запах моющего средства, пыли и чистоты.

Из-за барной стойки вдруг вынырнула светловолосая голова какой-то девушки.

— Мы закрыты, — пискнула она.

— Я брат Халида, — сказал я, чтобы сразу же избежать дальнейших расспросов. — Где он сам?

— Халид у себя в кабинете. Он только что приехал, — отчиталась девушка.

Я прошел к двери, ведущей в административную часть клуба, и поднялся по неприметной лестнице на второй этаж. Пройдя узким коридором мимо череды безликих дверей, точно таких же, как в любом офисном здании, я остановился у последней.

Из-за нее доносился приглушенный женский смех, перемежаемый томными вздохами и редкими фразами, произносимыми мужским басом. Ах он там с тёлкой! Забавляется и веселится! Чертов сукин сын!

Я не знал, заперта ли дверь на замок, но даже не стал проверять — со всей силой долбанул ногой по ручке. Дверь распахнулась, шандарахнула об стену и покосилась, слетев с верхней петли.

— Какого хера! — рявкнул удивленный Халид.

Девушка, которую он усадил на стол, взвизгнула и начала суетливо обирать одежду, словно курица — перья. Эти двое были в разобранном виде. У Халида уже и ремень на брюках был расстегнут.

— Убью! — прорычал я и бросился на брата.

С воплем девка вылетела из кабинета, а я, преодолев разделявшие нас с Халидом пару метров, вцепился ему в горло.

— Охренел! — попытался вывернуться он, но не успел.

— Ты чего, мразь, Лале наговорил? — орал я.

Несмотря на мой хват, Халид улыбнулся.

— А что я ей наговорил.

— А ну рассказывай, что именно ты сказал моей жене.

— Только то, что она хотела знать. А именно — где ее ненаглядный муж был в ту проклятую пятницу.

Я наконец-то ослабил хватку, и Халид, сняв мою руку со своей шеи, прокашлялся.

— Не тем ты интересуешься, Ильяс, — как ни в чем не бывало ухмыльнулся он, застегнул пряжку ремня и уселся в кресло.

— Я тебя спрашиваю, какого черта ты наговорил Лале?

— Я лишь ответил на ее вопрос, где и с кем ты был в пятницу, когда не ночевал дома, — развел он руками. — Ты бы лучше поинтересовался, почему она вообще решила, что ты был у меня в клубе. Почему начала задавать вопросы?

Я замер, уставившись на брата.

— Ты хочешь сказать, что не по собственной инициативе рассказал ей?

— Нет, дорогой братец. Лала сама позвонила мне на следующий день после твоей эскапады и спросила, был ли ты здесь и с кем.

— И ты сказал?

Я поверить не мог, что все эти две недели пытался осознать, что же произошло в ту ночь, пытался забыть и научиться заново смотреть жене в глаза без чувства стыда, сжигавшего меня изнутри, а она, моя Лала, все это время знала… Если знала, то почему не спросила меня? Почему скандал не закатила?

— Нет, не сказал, — ответил Халид.

— Не сказал? — не поверил я своим ушам.

— В тот раз не сказал.

До меня начало доходить.

— Ах ты мерзопакостный сучонок, — выплюнул я. — Так ты ей сегодня утром сообщил, когда узнал про условия завещания!

— Слишком довольная была у тебя рожа, когда ты выходил из отцовского кабинета. Ты ведь был уверен, что уже обскакал нас всех, — рассмеялся Халид. — Вот я и решил уравновесить наши шансы — поделился с Лалочкой информацией, которую она так жаждала заполучить.

— Что именно ты ей сказал?

Я навис над столом брата и долбанул кулаком по деревян-

ной поверхности.

— Только то, что видел: ты напился, пососался со стриптизершей и укатил с ней в ночь.

— Урод! — выругался я. — Я ни хрена не помню. Я был так пьян, что… что наверняка у меня и не было ничего с той рыжей стервой.

— Мариночка вовсе не стерва, очень даже покладистая девочка…

— Да пошел ты со своей Мариночкой! — взревел я. — Из-за тебя Лала ушла. Уехала, и я не знаю куда.

— Позвони ее папаше, я уверен Делимхан Цуров будет рад тебе помочь, когда узнает, из-за чего Лала тебя бросила.

— Я тебя убью, — пообещал я брату и нырнул через стол, снова попытавшись схватить его.

На этот раз Халид ловко увернулся, откатившись на кресле к стене.

— Я не пойму, чего ты бесишься? С чего решил, что я буду покрывать твои грешки?

— Мы же братья!

— Как удобно вспомнить об этом сейчас, когда тебе прижали яйца. Что-то два года назад, когда мне нужна была твоя помощь, ты не вспомнил о том, что мы братья.

— О чем ты? — Я с недоумением уставился на Халида.

— И правда, о чем это я? — зло прошипел он.

Я достал сигареты и уселся в кресло напротив брата.

— Я без понятия, что у тебя за претензии.

— Ты реально не понимаешь?
— Я реально не понимаю.
— Ладно, я напомню, раз у тебя такая короткая память…

Глава 5

Ильяс

— Значит, ты утверждаешь, что не помнишь, как кинул брата и не помог ему в беде?

Халид смотрел на меня пристально, будто был детектором лжи и мог просканировать глазами мою душу на обнаружение в ней желания солгать. Однако я был чист и понятия не имел, о чем говорил брат.

Я пожал плечами.

— Я и правда не понимаю, о чем ты говоришь.

Халид все время щелкал зажигалкой, и маленькое пламя то вспыхивало, то исчезало.

— Помнишь, два с небольшим года назад я угодил за решетку? — наконец сказал он.

— За решетку? — изогнул я бровь.

— Да, за решетку.

— Ты про те два дня, что тебе довелось провести в обезьяннике?

— Про них, про них. Знаешь, я ведь туда попал не просто так. Меня тогда сильно подставили. — Халид смотрел на меня с нескрываемым раздражением и даже гневом. — Кто мог порешать мои проблемы с бандитами и ментами? К кому, как ты думаешь, я мог обратиться за помощью? — продол-

жал он. — К отцу? К Зауру? Или, может быть, к Салману?

— Ко мне… — нахмурился я.

— Именно. К тебе, Ильяс. Ты единственный из братьев, кто мог мне помочь в щекотливой ситуации. Мы ведь так долго были заодно, так хорошо всегда ладили.

— И ты хочешь сказать, что обратился, а я отказался помочь? — Я подался вперед.

Он развел руками.

— Но я не помню, чтобы ты просил меня вытащить тебя из тюрьмы! — возразил я.

— Мне помогла Амина.

— Амина?

— Представляешь? Амина, наша маленькая сестричка, оказалась единственным надежным членом в нашей гнилой семейке. Она не только разрулила вопрос с полицией, но и помогла мне разобраться с этими уродами, что тогда хотели подмять мой клуб.

— Я все равно не понимаю, — я сжал кулак, — я бы никогда не отказал тебе…

— Ну как же, Ильяс, вспомни. Ты не стал, конечно, делать это лично, а попросил свою милую Лалу послать меня на хрен. — Он зло скривился, а потом хмыкнул. — Она сделала это с удовольствием.

Мне пришлось усиленно отмотать память назад, к событиям двухгодичной давности, и до меня вдруг дошло. Когда-то мы с Халидом были близки. Можно сказать, дружи-

ли. Два отщепенца. Два брата, осмелившихся противоречить железной воле отца. Я отказался принимать участие в семейном бизнесе, а Халид вообще пустился во все тяжкие: открыл ночной клуб, без конца участвовал в уличных ночных гонках, тусил, тусил, тусил. Не знаю, кого из нас двоих, отец не выносил больше. Это нас и объединяло. Однако в какой-то момент Халид перестал мне звонить, перестал отвечать на мои звонки. При встрече он, конечно, жал мне руку, улыбался, обменивался парой ничего не значивших фраз, но больше никаких совместных попоек, разговоров по душам. Я связал это с тем, что брат решил самоустраниться, так как у меня появилась Лала. Халид понял, что у нас с ней серьезно, и ушел в тень. Но получается, было что-то еще. Обида, о которой я и понятия не имел.

Я попросил Лалу послать Халида, когда тому нужна была помощь? Такого быть не может…

— Твою мать! — выругался я.

— Вспомнил? — без тени иронии спросил Халид.

— Вспомнил, но все было совсем не так…

— А как же?

В тот зимний вечер Лала впервые согласилась приехать ко мне за город. Я обещал, что не трону ее, ведь девочка была воспитана в традиционной семье, где ее научили: отдаться мужчине до свадьбы — навлечь на весь род позор.

Я и не тронул. Я ведь и правда был влюблен в нее до умо-

помрачения. Никогда прежде никого не любил так, как ее. Никогда больше не полюблю…

— Черт, я забыл о шампанском, — понял я.

— Обойдемся без него, — улыбнулась Лала. — Я вообще-то никогда не пила.

— Брось, — подмигнул я ей. — Сегодня никак нельзя без шампанского.

Я накинул пальто и сказал:

— Я доеду до магазина и быстро вернусь, а ты пока последи за мясом, чтобы оно не сгорело.

Лала готовить не умела совершенно, но об этом я узнал чуть позже…

Я уже сбежал с крыльца, припорошенного снегом, как Лала крикнула:

— Ильяс, ты забыл мобильник!

— Пусть заряжается, там батарея на нуле, — сказал я, заводя двигатель машины.

— А если кто-то будет звонить? Не брать трубку?

— Если кто-то будет звонить, шли всех к черту! Сегодня я хочу слышать только тебя, а не решать чужие проблемы, — рассмеялся я.

— А если твой отец позвонит?

— Его тем более шли в преисподнюю! Всех их к чертовой бабушке!

Я уехал, а когда вернулся, то… Кухня была наполнена дымом, а Лала смотрела на меня испуганными глазами. Вме-

сто запеченного мяса получились мясные угли. Пришлось спешно проветривать дом и придумывать новый ужин. Я даже не посмотрел в телефон и даже не знал, что Лала разговаривала с Халидом и передала ему мои слова буквально… Ведь я так велел.

— Ильяс сказал, что сегодня не хочет решать чужие проблемы — так она сказала, — скривил губы Халид.

— Твою ж мать! — снова выругался я.

— Значит, все было не совсем так, и малышка Лала не передала тебе, что я звонил?

Я помотал головой.

— Можешь не верить мне и думать, что я оправдываюсь, но, Халид, ты же меня знаешь — я бы так не поступил. С Зауром — да. Еще бы и позлорадствовал, но не с тобой.

Мы долго молчали.

Халид достал пачку сигарет, прикурил и предложил мне. Я мотнул головой, отказываясь, и поднял свою пачку, показывая, что у меня все есть.

Наверное, нужно бы упрекнуть Халида, что он больше двух лет таил на меня обиду, а ведь мог просто предъявить претензии сразу, и мы бы давно все выяснили. Но я понимал, что Халид слишком горд, впрочем, как и все мы, Чинхоевы. Раз я ему отказал в помощи один раз, зачем выяснять причины? Вот мы и имеем, что имеем… Черт бы все побрал! Черт бы побрал папашу!

Брат сделал несколько ленивых затяжек, закинув ноги на край стола.

— Черт, ты мне всю малину испортил. Пришел в самый ненужный момент, — хмыкнул Халид, и я понял: брат поверил мне, и инцидент исчерпан.

— Я бы на твоем месте заткнулся про «ненужный момент», учитывая, что это из-за тебя Лала меня бросила, — напомнил я.

— О нет, братец, Лала тебя бросила из-за того, что ты не приструнил свой детородный орган.

— Да говорю тебе, что не было ничего, — рыкнул я раздраженно.

— Уверен?

Я пожал плечами.

— Почти.

— Я бы предложил тебе расспросить Марину, стриптизершу, которая тебя оседлала, но, — Халид развел руками, — она у меня больше не работает.

— Не работает? — прищурился я.

— Нет. Уволилась. Сразу после того, как ты с ней…

— Не было ничего! — Не знаю, кого я хотел убедить больше — себя или Халида.

Однако идея Халида мне пришлась по душе. Надо найти ту рыжую девку и спросить, было ли что между нами. И почему я раньше не догадался это сделать? Зачем две недели мучил себя угрызениями совести?

— У тебя ж есть какой-то отдел кадров? Найди мне эту проститутку, — попросил я Халида.

— Не обижай моих девочек — шлюх не держим.

— Хорошо, найди мне эту монашку! — Я долбанул ладонью по столу, выйдя из себя.

Халид лениво вытащил мобильник из кармана, набрал чей-то номер и попросил кого-то:

— Зайди ко мне.

Уже через минуту в дверях его кабинета стояла та самая девушка, которую он раскладывал вот на этом столе прямо перед моим появлением. На этот раз ее юбка была на месте, а пуговки на блузке застегнуты все до одной.

— Дашенька, солнышко, найди мне номер телефона и адрес Марины.

— Какой еще Марины? — насторожилась та.

— Девочки, что у нас работала танцовщицей.

— Зачем вам?

— Много вопросов, солнышко. Давай быстренько. — Халид щелкнул пальцами, одарив «солнышко» сладострастным взглядом, та недовольно поджала губы, но убежала исполнять приказ босса.

Вскоре адрес и номер сотового искомой стриптизерши был у меня в руках. Теперь осталось дозвониться или лучше встретиться и узнать, было ли что-то той ночью или, на что я очень надеялся, нет.

Я поднялся, Халид тоже встал, чтобы проводить меня.

— Значит, мир? — уточнил я.

— Поживем — увидим, — растянулся Халид в улыбке.

И я понял: не будет у Чинхоевых мира, пока вопрос с наследством не будет решен. Отец там, на небесах, уже наверняка довольно потирал руки и, посмеиваясь, ждал, в какое дерьмо мы начнем окунуть друг друга, пытаясь наложить лапу на его денежки, имущество, акции и все остальное. Правда, я надеялся, что на небеса Аслан Чинхоев все же не попал. Ему место в самом смрадном уголке преисподней.

Глава 6

Лала

К деду я решила ехать на поезде. Дольше, чем на самолете, но я была уверена: если Ильяс кинется меня искать, то первым делом будет обзванивать авиакомпании. Чинхоевы ведь на обычных поездах не ездили. Значит, и про меня муж подумает, что я предпочту комфорт. Я не хотела, чтобы Ильяс знал, куда я поеду. Хотя, может, я слишком наивна, думая, что он начнет искать меня? Ильяс не дурак — поймет, что я ушла от него. И обязательно поймет почему. Зачем ему искать глупую жену, если он спит с другой женщиной? Может, и не с одной. Может, их уже было десяток!

К горлу подкатил комок, а глаза наполнились слезами. Нет, я не буду плакать. Не буду!

Мне повезло. Поезд до Махачкалы отходил через час, и на него были свободные билеты в СВ. То, что нужно!

Вскоре я уже сидела в довольно комфортабельном вагоне и всматривалась в прохожих на перроне. Ильяс… Как же ты мог так меня предать! Я ведь думала, что у нас настоящая любовь. Та, что одна на миллион или даже на миллиард. А оказалось, что он ничем не лучше других мужчин.

Но будет ли он меня искать? Нужна ли я ему? Хочу ли я, чтобы он бросился на поиски? Ответов на эти вопросы я

не знала. Знала другое — мне нужно время все принять и переосмыслить. Поэтому и ехала к дедушке Ибре. Если кто в моей семье и поддержит меня, так это он. Человек, с которым я выросла, который называл меня Лалочкой-орлицей. Ведь наш род, род Цуровых, носит фамилию, означавшую эту гордую птицу.

— И ты должна быть гордой, девочка, — говаривал дедушка.

Бабушка Айбала вторила ему, но она была немногословна. Любила меня тихой любовью и, в отличие от деда, никогда не вела разговоров по душам. Бабушка умерла давно, а потом родители меня забрали в Москву, где я и познакомилась с Ильясом. С тех пор в родовое гнездо Цуровых я не возвращалась. Все было некогда: сначала учеба, потом свадьба и семейная жизнь. Как-то мы с Ильясом хотели поехать к деду. Я мечтала показать мужу место, в котором выросла, но мой отец, узнав об этой затее, отрезал:

— Не ступит нога Чинхоева в наш родовой дом.

Меня так и подмывало ответить, что он сам бросил этот родовой дом, сбежав оттуда и оставив меня, но, поймав взгляд матери, я прикусила язык и промолчала. Наверное, можно было, в обход отца, позвонить деду и спросить его мнения, но Ильяс меня отговорил: то ли из уважения к моему отцу, то ли из нежелания ехать…

Ильяс, Ильяс… Если он захочет меня найти, то проследить мой путь до Махачкалы он, конечно, сможет. А вот

дальше… Дальше я сяду на автобус до Чоха, а там найду кого-нибудь, кто довезет меня до деревушки или прямо до деда. Ильяс будет рыскать по родственникам, но я ни у кого останавливаться не буду, сразу поеду к дедушке. Ну а туда… Сунется ли мой муж туда? К Ибрагиму Султановичу Цурову не всякий способен прийти на поклон.

Я растянула губы в улыбке, уже представляя, как Ильяс будет ползать в пыли и вымаливать у деда пощады, а тот отомстит за меня, убьет изменщика, как собаку, и побросает куски на съедение шакалам.

И о чем я только думаю? Совсем с ума сошла от горя. Я положила руку на живот, оберегая дитя в нем. Как поведет себя Ильяс, когда узнает? И нужно ли ему знать?

За мыслями я только теперь заметила, что поезд тронулся. Колеса стучали по рельсам, выбивая ритм, похожий на сердцебиение. Я прижала лоб к холодному стеклу и смотрела, как за окном мелькают многоэтажки и уплывающий вдаль город. Потом пейзаж сменится, мимо станут проплывать леса, поля, горы… Как же давно я не была в горах.

Я достала телефон из сумочки, включила его и увидела кучу пропущенных от Ильяса и мамы. Последняя еще и сообщения прислала, в своем стиле разразившись длинной тирадой. «Этот выродок, твой муж, что-то сделал, да? Так и знала, что он что-нибудь учудит. Отец ведь говорил: Чинхоевым веры нет. А ты не слушала. Не слушала и смотри, что случилось! Что он сделал, Лала? Где ты?»

Вот так всегда. Все внутри меня запротестовало, так и захотелось написать маме: ты еще ничего не знаешь, но уже во всем винишь Ильяса. Даже несмотря на то, что Ильяс и правда был передо мной виноват, мне хотелось защитить его перед родителями. Как же хотелось, чтобы они оказались неправы.

Я сдержала свой порыв и отправила маме сухое: «Я уехала отдыхать, позвоню, когда вернусь. Папе привет».

После этого я вытащила симку из мобильного телефона, осмотрелась по сторонам и, не придумав ничего лучше, открыла форточку и выбросила сим-карту в окно.

Не хочу ни с кем разговаривать. Не хочу.

———

Автобус высадил меня на окраине маленькой горной деревушки, что находилась в десятке километров от Чоха. Дальше — пешком, по тропе, где каждый камень помнит мои босые детские ступни.

— Вот ты и вернулась, Лалочка-орлица, — прошептала я, тут же споткнулась о корень, торчавший из земли, и остановилась.

Зажмурилась, вдыхая такие знакомые ароматы.

Пахло горьковатой полынью, разогретой солнцем. Этот терпкий, пряный запах, в котором смешались пыль тропинок, сухие травы и внезапные всплески мяты, растущей у ручьев.

Воздух густой, словно мед. Он пропитан ароматом нагре-

тых камней — древних, седых, хранящих зной тысячелетий. Откуда-то доносился запах дикого чабреца. Порыв ветра, ленивого и жаркого, подхватил его и унес вниз, в ущелья, где в тени шептались листья орешника.

К этим ароматам примешивался запах дыма. Где-то в ауле топились печи, и сизый, жирный дух дров — может быть, арчи, а может, старой груши — стелился над крышами. Он вязкий, сытный, с нотками хлебной корки и жареной баранины — будто само лето здесь не просто время года, а что-то съедобное, теплое, щедрое.

Мое сердце, несмотря на затаившуюся в нем печаль, радостно забилось. Я дома! Дома! Дома!

Я заспешила по тропинке к дому деда, который стоял на отшибе. От деревни до него больше двух километров пути. Вроде бы далеко, но в то же время так близко.

Гремя чемоданами, я быстро преодолела знакомые повороты и изгибы тропы и остановилась на широком пятачке дороги.

Белые стены, синие ставни, виноградная лоза, которую дедушка сажал, когда бабушка была еще жива.

Словно почувствовав, что к нему пришли гости, дедушка Ибра крикнул:

— Кого шайтан принес?

Мне вдруг стало боязно, и я тихо ответила:

— Дедушка, это я, Лала…

Глава 7

Ильяс

От Халида я уехал в еще большем бешенстве, чем туда приехал. С братом мы, конечно, теперь помирились. Нет, больше не было тех дружеских отношений, какие были два года назад, но по крайней мере этот придурок теперь знал, что я ни в чем перед ним не виноват. Два года мой младший брат, словно обиженная девчонка, таил на меня злобу и выплеснул ее в самый неподходящий момент. Однако Халид прав в одном: не он первым затеял разговор с Лалой о той пятнице, он лишь рассказал ей об этом сегодня, чтобы уравнять наши шансы в гонке за отцовским наследством. Лала сама что-то заподозрила и первая начала задавать вопросы. Нет, прав Халид. Нужно понять, с чего моя милая, тихая женушка решила, будто я ей изменил. Почему тогда, две недели назад позвонила Халиду и начала расспрашивать. Не Зауру, не Салману, не кому-то еще, а именно Халиду. Мы ведь и с ним мало общались. Да, я иногда бывал в его клубе, но последнее время все реже и реже. А Лала будто знала, что в ту ночь я отправился в ночное заведение младшего брата и был там со стриптизершей. Со стриптизершей, о которой я вообще ничего не помню, черт возьми. Если бы не проснулся под утро и не увидел рядом с собой голую бабу, так бы и

не вспомнил про нее.

Тут же мысли повернулись в другом направлении. Я напрягался, пытаясь понять, было ли между нами что-то в ту ночь. Если девка была голой, значит… Значит, мы с ней занимались сексом? Но я был в трусах. И даже в рубашке. Это я хорошо помню. Помню, как скатился с кровати, надел штаны, сунул ноги в ботинки и вылетел из ее квартиры. Сто пудово я был в трусах. Даже носки — и те были на мне. Я столько выпил, что вряд ли был способен сношаться с кем бы то ни было. Тем не менее я проснулся в постели не рядом с Лалой, а с какой-то проституткой.

— Чтоб тебя! — выругался я, заводя машину.

Прежде чем нажать на газ я позвонил по номеру, который дал мне Халид. Нужно поговорить с этой Мариной и выяснить, было что-то в ту ночь или нет. Если не было, мне самому станет легче оправдаться перед Лалой и собой. Если было… Если было, значит, придется вымаливать у Лалы прощение. И я его вымолю, черт возьми. Она не уйдет от меня просто так. Тем более не сейчас, когда на кону стояло слишком многое.

Марина не отвечала на звонки. Вернее, у нее был отключен телефон. Я бросил взгляд на часы. Наверное, девка работает в другом ночном клубе и сейчас готовится к очередному шоу.

Не зная, куда себя деть, я поехал домой, по дороге поставив на автоматический дозвон. Только все без толку — Лала

не отвечала.

— Куда же ты делась, девочка?

Может, теща соврала, и Лала все же у них? Нет, это вряд ли. Хеда Адамовна меня бы сгрызла, если бы узнала, что я изменил Лале. А Делимхан Ибрагимович вообще бы освежевал. Если Лала не у родителей, то куда она могла поехать?

У Цуровых было много родственников, но почти все они жили в Дагестане. К подругам? Может, жена подалась к кому-то из своих подружек по университету? К кому? Я никого не знал. Была какая-то то ли Лика, то ли Ника. Еще была Рената. Ни их адресов, ни телефонов я не знал.

— Твою ж мать, — прорычал я и долбанул ладонью по рулю.

Но откуда же Лала узнала, что в тот вечер я был не один? Нет, это, собственно, логично. Я пришел домой под утро в самом скотском виде. Конечно, она могла что-то заподозрить. Но почему решила, что я был именно в клубе Халида? Кто-то ей подсказал? Если так, то кто?

Дома я перерыл ящики прикроватного столика, в которых жена хранила всякую ерунду, милую ее сердцу. Безрезультатно — никаких записных книжек или дневников я не обнаружил. Конечно, кому нужны дневники, если все можно хранить в смартфоне?

— Долбанные современные технологии! — орал я. — Чтоб вам всем пусто было, изобретатели херовы!

Окончательно выйдя из себя, я развязал галстук, запулил

его в угол и, схватив первое, что попалось под руку (это оказалась какая-то дурацкая миниатюрная статуэтка), швырнул ее в огромное панорамное окно гостиной. Ни окно, ни статуэтка не разбились. Первое было из триплекса, ударопрочное, вторая — из металла.

Подойдя к бару, я достал бурбон и плеснул себе на два пальца. Подумав, плеснул еще на два.

Я лишь надеялся, что Лала остынет и вернется домой. Ну или хотя бы включит телефон. Дам ей время до завтра. Если не возьмется за ум, придется искать другими методами. Весь Дагестан и всех Цуровых на уши подниму, но найду.

Алкоголь притушил злость и раздражение. Однако звонок мобильника и высветившееся на экране имя старшего брата заставили заскрежетать зубами.

— Слышал, маленькая орлица расправила крылья и вырвалась из клетки, — даже не поздоровавшись, злорадно произнес Заур.

Вся моя семья звала Лалу орлицей, потому что фамилия Цурова означала «орлы».

— Что, Халид донес? — скривился я.

— Сам знаешь, как быстро разносятся такие новости, — зло рассмеялся Заур.

— Рано радуешься. — Я опрокинул в себя остатки виски.

— На самом деле, я ни хрена не радуюсь, Ильяс. Мне было бы плевать и на тебя, и на твою Лалу, если бы не одно маленькое обстоятельство.

Я сразу понял, что больше всего взбесило Заура.

— Что, не рад появлению еще одного брата? — усмехнулся я.

— А ты рад?

— Плевал я на него.

— А я нет. Если ты, говнюк, разведешься или не женишься снова, то твоя доля в компании уплывет этому ублюдку Дауду. Мне это на хер не нужно.

— Что я слышу? Всевластный Заур Чинхоев признает, что он будет рад видеть меня в совете директоров?

— Лучше уж ты, чем этот выкидыш отцовского слабоумия.

— Он наш брат.

— Это я еще проверю, — возразил Заур. — Мне с трудом верится в байку про отцовскую щедрость не пойми к кому.

— Думаешь, Дауд — это такая же издевательская шутка, как винторогие козлы, которым отец отдаст все наши денежки, если мы не выполним его условия?

— Скоро мы сами станем винторогими козлами, если эти условия не выполним, — выругался Заур.

— Что ты собираешься делать? — поинтересовался я.

— Попытаюсь узнать, нельзя ли как-то обжаловать завещание отца. Большего дерьма он нам подкинуть не мог, — сказал Дауд и добавил: — А ты нарой информацию на этого Дауда. Наверняка мы узнаем что-нибудь такое, о чем отец забыл упомянуть.

— Неужели тебе нужна моя помощь? — рассмеялся я с издевкой.

— Ты в этом заинтересован не меньше моего, Ильяс.

Заур отключился, а я задумался. Его предложение копнуть поглубже под Дауда мне импонировало. Как говорится, нужно знать врага в лицо. Однако идея брата попытаться обойти отцовское завещание мне казалась глупой. Отец был слишком умным, чтобы оставить нам хоть малейшую лазейку. Пусть, конечно, Заур попробует, но я был уверен — ничего у него не выйдет. А значит, нам придется жениться, расплодиться и получить-таки свои денежки и долю. Следовательно, я возвращался к тому, с чего начал. К Лале. Нужно найти Лалу и вернуть ее как можно скорее.

Глава 8

Лала

Я так и стояла у высокого забора, увитого виноградной лозой, боязливо переступая с ноги на ноги.

Вдруг дедушка будет мной разочарован? А что, если скажет: «Сама виновата»? А что, если не пустит?

Тяжелая деревянная дверь заскрипела и распахнулась. Я замерла в нерешительности. Дедушка Ибра все такой же, каким я его помню. Он невысок ростом, но кряжист и широкоплеч. Ему уже под семьдесят, но выглядит он моложе. Темные глаза смотрят из-под нахмуренных густых бровей.

— Лалочка, — проговорил он низким голосом, напоминавшим шум горной реки: хриплый, властный, полнящийся множеством оттенков.

Забыв о всех своих опасениях, я бросилась в его раскрытые объятия.

— Дедушка! Дедушка! — всхлипнула я. — Как же я соскучилась.

— Ну что ты, что ты, Лалушка моя. — Он погладил меня по волосам своей мозолистой, но все еще крепкой рукой, а потом просто сказал: — Пойдем в дом.

По голосу я поняла, что он будто бы загодя знал о моем возвращении. «Может, отец позвонил и что-то наговорил

про нашу ссору с Ильясом? — мелькнула в голове мысль. — А может, уже все Цуровы знают и скоро приедут сюда, к деду Ибрагиму, чтобы меня, нерадивую, выволочь на улицу, а потом спешно отправить обратно, в Москву, пока не успела прославиться на весь Кавказ?»

Дом дедушки Ибры стоял на возвышенном участке, будто сам был частью горы — массивные стены из светлого травертина оплетены виноградной лозой. Широкие арочные окна с витражными вставками в виде древних дагестанских орнаментов хорошо пропускали солнце, окрашивая полы в синие и золотые блики. Над входной дверью из темного дуба с чеканными медными пластинами арабской вязью была выведена надпись: «Дом держится на чести, а честь — на слове».

Дедушка толкнул тяжелую дверь, и меня встретил прохладный воздух, пахнущий воском, кожей и сушеными травами. Под ногами лежал все тот же ковер ручной работы с красными узорами, говаривали, что это подарок турецкого купца еще прадеду деда Ибрагима. На стене, как и прежде, висело старинное ружье, а в неприметной нише виднелся дисплей, передающий картинку с камеры наблюдения, что висела за воротами. Мой дедушка был приверженцем традиций, но не чурался современных новшеств, поэтому здесь, в горном родовом гнезде Цуровых, старина тесно переплеталась с нашим временем.

Сразу из небольшой прихожей мы прошли на кухню, в которой эта эклектика еще больше бросалась в глаза: в уг-

лу — глиняный тандыр, где до сих пор пекли лепешки; стол с мраморной столешницей, в который была встроена индукционная панель; медный кумган для умывания, а рядом — кофемашина за десять тысяч евро.

На полке я заметила бабушкин сервиз с позолотой и стеклянные банки с ферментированным чаем, который дед заказывал в Китае. На декоративной деревянной панели, крепившейся к стене, все так же было нацарапано кривым детским почерком: «Дед, я съела все варенье. Не ищи и не сердись. Лалочка». Сердце защемило от воспоминаний.

— Пойдем на веранду, чай будем пить, — сказал дедушка.

Я кивнула и вышла сквозь стеклянную дверь с витражами, на которых был изображен орел. Улыбнулась, увидев, что и здесь ничего не поменялось.

Под ногами все тот же пол терраццо с вкраплениями битой лазури, как в старых мечетях. Потолок — прозрачный поликарбонат, сквозь который ночью видно звезды. Чуть в стороне, в углу, — аутентичный очаг для кофе или самовара, а над ним — климат-контроль, поддерживающий идеальную температуру.

Всю дорогу, что дедушка готовил чай, мы молчали. Я с детства знала, что для деда Ибры — это целый ритуал, нарушать который он никому не позволял.

Я тихо ждала, пока дедушка вскипятит воду и заварит чай.

— Чай в Дагестане — это молчаливый диалог. Ты пьешь — и стены, и горы, и предки слышат твои мысли, — учил

меня дедушка еще в детстве.

Вот и сейчас, несмотря на то что мы с дедушкой не виделись чуть больше двух лет, ритуал не нарушался ни им, ни мною.

Я наблюдала за тем, как дедушка делает чай, а сердце замирало в удивлении: вот он кипятит медный чайник, вот кладет в воду чабрец и тмин, вот дожидается ровно сорок секунд — именно столько нужно муэдзину на утренний азан, а чаю дедушки — на заварку; вот добавляет бутон розы; вот процеживает чай через шелковую ткань.

Когда все было готово, дед молча поставил передо мной прозрачный армуд. Яркий аромат тмина, который ударил в нос, больше не оставлял сомнений — дедушка заварил для меня свой «шайтан-чай», рецепт которого передавался в роду Цуровых из поколения в поколение. Его подавали только в трех случаях: во время примирения кровников; перед принятием судьбоносного решения; когда в дом приходит тот, кто считался мертвым.

Мне довелось его попробовать лишь однажды. Когда я собралась замуж за Ильяса и вся семья была против, дед, приехавший в Москву, заварил «шайтан-чай» и первой подал его мне, минуя отца, тем самым давая понять: он одобрял мое решение.

Я сделала первый глоток. Чай обжигал губы, но согревал изнывающую от боли душу.

Когда я сделала третий глоток, дедушка нарушил тишину:

— Пей медленно, Лалочка. Самые горькие истины нужно принимать маленькими глотками.

Я промолчала, удивляясь проницательности дедушки.

— А где старая Ба? — спросила я тихо.

— В Дербент уехала, к своим погостить, — ответил дедушка.

Я не сдержала вздоха облегчения, и дедушка рассмеялся. «Старой Ба» у нас в семье звали прабабушку Агабичу, мать дедушки Ибрагима. Ей в этом году исполнилось восемьдесят семь, а она все еще была полна жизни. Старую Ба я боялась в детстве, словно огня или снежной лавины. Боялась я ее и по сей день.

— Где твой мальчик? — спросил дедушка.

Я замерла, инстинктивно опустив ладонь на живот, но тут же отдернула руку. Не знаю, заметил ли дедушка этот мой жест, но если и заметил, то виду не подал.

— Какой... мальчик? — пробормотала я.

— Тот, за которого ты вышла против всех.

— Он... — Слово «предал» застряло в горле. Вместо него вырвался тихий звук, похожий на вой раненого зверя.

Мои губы задрожали. Сглатывая подступившие слезы, я хватила губами чай. Он моментально обжег язык и гортань, но я все равно пила, лишь бы не говорить, не отвечать на дедушкины вопросы.

Дедушка сел рядом, взял мои руки в свои — грубые, иссеченные морщинами, но теплые, и сказал:

— Плачь, Лалочка. Здесь можно. Здесь дом.

И я плакала. Впервые с той секунды, как узнала об измене Ильяса, плакала по-настоящему.

Глава 9

Ильяс

Тамерлан, знакомый частный сыщик, взялся раздобыть всю возможную информацию о Дауде Чинхоеве.

— И найдите мне Лалу, — попросил я напоследок, вкратце обрисовав ему ситуацию с женой.

— Родственников обзвонил?

— Я не могу звонить ее родственникам, они меня на дух не переносят, — поморщился я.

Пришлось рассказать Тамерлану о том, при каких обстоятельствах мы с Лалой поженились: Цуровы ненавидят Чинхоевых, и те отвечают им взаимностью.

— Лалу нужно найти так, чтобы она не знала об этих поисках. Боюсь, жена, узнав, что я выяснил, где она, быстро уедет в другое место и все придется начинать сначала.

— Понимаю, — кивнул Тамерлан. — По Лале отзвонюсь завтра, а с этим Даудом придется повозиться.

Я и сам понимал, что из ниоткуда возникший брат, вряд ли окажется рубахой-парнем, с которым можно потрещать за жизнь. Где-то же он скрывался все эти годы? Хотя оставалась вероятность, что он и сам не знал о своем родстве с Асланом Чинхоевым. Вероятность? Кого я обманывал! Этот человек смотрел на всех нас с ненавистью. Он явно знал о нас больше,

чем мы могли знать о нем.

Тамерлан не сомневался, что быстро отыщет Лалу. Я тоже был уверен, что уже завтра буду точно знать, куда сбежала моя жена. Только вот… Только вот, что даст мне это знание? Захочет ли Лала услышать мою «правду»? Захочет ли вернуться? И что я буду делать, если она откажется? Как ни крути, она Цурова, и гордость ее рода, даже заносчивость кипела в ее крови.

Нет, Лалу нужно вернуть любой ценой — на кону было наследство отца, моя фирма, доля в холдинге. Я не собирался разбрасываться многомиллиардным состоянием только потому, что моя жена оказалась глупой ревнивицей. Я ее пристыжу. Да и ее родители встанут на мою сторону. Делимхан Ибрагимоч хоть и ненавидел меня, но был настоящим закоснелым горцем. Дочь Цуровых окажется развденкой? Уйдет от мужа? Останется на веки-вечные с клеймом позора? Нет, он этого не стерпит. Что ж, к тестю я буду взывать, если другие методы вернуть Лалу не возымеют успеха.

У меня оставалось еще одно важное дело — нужно было найти рыжую стриптизершу и выяснить, что же было в ту ночь.

Я снова набрал номер. Девушка трубку не сняла, но хотя бы на этот раз ее телефон не был отключен. Тогда я отправил сообщение: «Привет, это Ильяс Чинхоев. Помнишь меня?»

Ответное сообщение пришло, когда я как раз вернулся домой.

«Кто же забывает таких горячих мужчин?» Эти слова неприятно резанули глаз. В них читался явный намек, что той ночью я был недостаточно пьян, чтобы просто уснуть.

«Встретимся?» — предложил я.

«Я освобожусь сегодня после одиннадцати вечера. Адрес помнишь?»

«Встретимся в баре в двенадцать», — ответил я и отправил ей адрес.

«Жду с нетерпением», — прилетел мне ответ.

Я бросил взгляд на часы — только семь. Будет время, чтобы принять душ и собрать мысли в кучу. Выспрашивать эту Марину о событиях двухнедельной давности по телефону мне не хотелось. Нужно было видеть эту женщину и понимать, врет она или говорит правду. Хотя… с чего бы ей врать? «Кто же забывает таких горячих мужчин?» Черт! Неужели я все-таки перепихнулся с ней? Если так… Если так, придется ей заплатить на случай, чтобы она сказала Лале мою «правду».

Скинув пиджак и галстук на кровать в спальне, я уже начал расстегивать брюки, как за спиной раздался голос:

— Ильяс Асланович…

— Твою мать! — выругался я и вжикнул молнией.

Обернувшись, я увидел Татьяну Алексеевну, женщину, которая убиралась у нас три раза в неделю.

— Я думал, дома никого нет, — грубо сказал я. — Предупреждать же надо, что вы здесь.

— Извините, я думала, вы слышали, как я гремлю на кухне посудой.

— Что вы здесь делаете? — нахмурился я.

— Ну как же, среда. Я всегда бываю у вас по средам и…

Я видел, что ее взгляд устремился в сторону двери, которая вела из нашей с Лалой спальни в гардеробную. Наверняка Татьяна Алексеевна уже побывала там и видела, что вещи жены исчезли.

— Лала уехала, вернется через неделю… другую, — сказал я.

— Да-да, — кивнула Татьяна Алексеевна.

Она по-прежнему стояла на пороге спальни, и я не выдержал, резко спросив:

— Вы что-то хотели?

— Ах да, — опомнилась она и протянула мне какую-то небольшую палку. — Хотела уточнить, это можно выбрасывать или Лала Делимхановна хочет оставить это на память.

— Что это? — Я взял предмет из ее рук и обалдело уставился на него.

Я и сам знал, что это. Тест на беременность. А на нем — ярко-малиновым цветом горели две полоски. Две полоски — это что значит?

— Поздравляю вас, — улыбнулась Татьяна Алексеевна, — так хорошо, что у вас скоро с Лалочкой будет пополнение. — Ее голос дрогнул от умиления.

Обычно Татьяна Алексеевна всегда была сдержанной и не

позволяла фамильярностей, но здесь, видно, расчувствовавшись, назвала мою жену Лалочкой.

— Спасибо, — пробормотал я, стараясь не показывать, что ничего не знал ни о тесте, ни о беременности Лалы.

— Так оставить его? — Татьяна Алексеевна кивнула на полоску в моей руке.

— Я сам спрошу у Лалы, — сказал я.

И я, черт возьми, собирался это сделать! Какого, вашу мать, хера происходит? Лала беременна, а я не в курсе! Мало того, что не в курсе, что она не удосужилась рассказать мне, так еще и сбежала. Сбежала и выключила телефон, а я должен теперь всю Москву на уши поставить, чтобы найти ее?

— Идиотка, — выругался я на Лалу, когда Татьяна Алексеевна вышла из спальни, наконец-то оставив меня наедине с моими проблемами. — Глупая маленькая девчонка! Куда тебя, черт возьми, понесло?

В голове мелькала и другая мысль — я теперь, вашу мать, на два шага опережал всех своих братьев и Амину. У меня была жена, и она ждала ребенка. Два условия завещания — одним щелчком пальцев.

Осталось только эту беременную жену найти и вернуть домой, даже если придется ее тащить за шкирку!

Глава 10

Лала

Ночью я спала безмятежно, словно не было разочарования, ноющей боли в груди, побега из Москвы и рыданий в объятиях дедушки Ибры.

Я снова оказалась в своей старой детской комнате, в которой провела столько счастливых лет. Одеяло пахло солнцем, полынью и отчего-то конфетами.

Несмотря на то, что я проспала беспробудно десять часов к ряду и даже не видела сновидения, утром я чувствовала себя опустошенной. Нет, не из-за измены Ильяса, а оттого, что родители оказались правы. Оттого, что я предала их доверие. Ради него предала, пошла против семьи.

Дедушка не задавал вопросов, но я сама, обливаясь слезами и истерично икая, объяснила, почему сбежала от мужа, почему не поговорила ни с ним, ни с родителями, почему прибежала прятаться сюда, к деду.

Он долго молчал, а я, выплакавшись, подняла на него виноватые глаза.

— Я разочаровала тебя, дедушка?

— Лала, девочка моя, — голос дедушки был мягок, но в нем слышалась мощь горного речного потока, — ты дума-

ешь, я не знал, чем кончится этот брак? Чинхоевы — волки. Они любят только свою стаю. Но ты... ты ведь орлица. А орлы не цепляются за тех, кто их предал.

— Тогда почему позволил этому браку состояться?

— Начни я противиться, как Делимхан, ты бы натворила еще больших бед.

— И что же теперь мне делать, дедушка? — всхлипывала я.

— Поживи здесь, остынь. Время все расставит на свои места.

Вчера вечером я рассказала дедушке почти все. Лишь умолчала, что жду ребенка. Как бы он отреагировал, узнай, что я носила под сердцем дитя Ильяса? Всё так же предлагал бы пожить у него и подумать, всё так же говорил бы, что мы, Цуровы, предательства не прощаем? Или же самолично отвез бы меня в Москву и передал с рук на руки мужу?

Вздохнув, я потянулась за мобильным телефоном и только тут вспомнила, что выбросила сим-карту, тем самым отрезав себя от Ильяса, родителей и кого бы то ни было. Интересно, Ильяс бросился меня искать или усмехнулся своей коронной усмешкой и решил — с глаз долой из сердца вон?

Тут же, при мысли о муже, в нос ударил запах сладких женских духов, которыми он пропах в ту ночь… Перед глазами всплыл образ рыжеволосой девушки, с которой Ильяс был запечатлен на фото из ночного клуба. И еще одно — где она, оседлав распростертого на кровати Ильяса, склони-

лась к его губам… Кто тот бородатый мужчина, что вручил мне фотографии? Зачем он это сделал? Хотел открыть мне глаза? А я ведь была так глупа, что потом еще две недели терпела Ильяса рядом, выжидала удобного момента, чтобы с ним поговорить, чтобы услышать банальное «это не то, что ты думаешь, дорогая»!

— Дура, дура, дура! — ругала я себя.

Когда я спустилась вниз, дедушка был на веранде. Увидев меня, он сказал:

— Пойдем.

— Куда? — удивилась я.

— Сейчас увидишь.

Мы прошли через бурно разросшийся сад, который еще бабушка разбила возле дома, вышли через неприметную калитку в заборе и начали спускаться с утеса.

Через двадцать минут молчаливой ходьбы, в течение которых ни я, ни дедушка Ибра не проронили ни слова, я услышала шум горной речки. А еще через несколько метров бурный поток вынырнул из расщелины в скале. Вода бурлила, билась о камни и валуны, ревела и устремлялась вниз по пологому склону.

— Ты знаешь, почему горные реки такие бурные? — спросил дедушка.

Я молча помотала головой.

— Потому что им некуда девать свою боль. Они бьются о камни, пока не сотрут их в песок.

Дедушка повернулся ко мне. В его глазах, к счастью, не было жалости, лишь глубокая нежность.

— Ты как эта горная река, Лалочка. Не забывай об этом.

И я поняла: дедушка больше не будет спрашивать про Ильяса, не будет подталкивать меня к тому или иному решению. Он просто даст мне время. Время и веру, что однажды камни станут песком.

Дедушка оставил меня одну на берегу реки, где я, усевшись на высокий приплюснутый камень, провела с полчаса, пока утренний туман не рассеялся, и начало припекать солнце.

В дом я возвращалась если не умиротворенной, то спокойной. Я понимала, что теперь нужно дать времени все расставить по своим местам.

Я прошла все той же задней калиткой и замерла под сводчатым арочным проходом во внутренний двор, вдруг ощутив себя маленькой, пятилетней Лалочкой, которая бегала здесь босиком, а мой смех звенел, как медные колокольчики над дверью.

Шагнув чуть в сторону, я заглянула в беседку. Зажмурилась и вдохнула знакомый аромат горной лаванды. Я провела пальцами по резным деревянным колоннам — здесь дед учил меня читать по-русски, по-аварски и по-арабски. Последний мне не полюбился, и я его забросила, за что получила нагоняй от отца.

На одной из колонн я заметила каракули. Мои. В семь лет

я вывела там ножом: «Лала + Умар = любовь». За это отец меня выпорол в первый и последний раз в жизни. Умара, мальчишку из деревни, которого, как я тогда, в детстве, думала, что любила, я больше никогда не видела.

Дед тогда молча наблюдал, не остановил отца, не утирал моих слез, а вечером принес новый нож и сказал:

— Учись резать ровно. Хорошая резьба как хорошая жизнь.

Интересно, если бы отец тогда знал, что я выйду замуж за Ильяса Чинхоева, то, может, не был бы так строг насчет Умара, семью которого не считал нам ровней?

Когда я вернулась в дом, дедушка как раз сварил кофе. Мы снова расположились на веранде. Он поставил передо мной большую кружку с кофе, куда налил изрядную порцию сливок. Рядом стояла тарелка с поджаренными тостами, сыром и говяжьей колбасой. Не самая традиционная еда для кавказского горца, но дедушка Ибра всегда умел удивлять.

— Кофе-то можно тебе? — спросил он, кивнув на мой живот.

Я покраснела и пожала плечами.

— Как ты догадался?

— По тебе видно, — усмехнулся он, и я тут же опустила руку на живот. — Да нет, по глазам видно, — рассмеялся дед, но тут же, посерьезнев, спросил: — Ильяс знает?

Я помотала головой.

— Никто еще не знает.

— Что ж, может, оно и к лучшему.

Мы замолчали, и я, почувствовав, как сильно проголодалась, принялась уплетать бутерброды.

— Делимхан звонил, — нарушил тишину дедушка. — Спрашивал, не тут ли ты.

— И что ты сказал папе? — замерла я.

— Правду. Запретил ему и Хеде приезжать за тобой. Ох как она орала! — хмыкнул дедушка.

— Спасибо, дед, — искренне проговорила я. — Мне нужно время…

Он лишь кивнул, но добавил:

— Мои запреты, может, и удержат твоих родителей, но они наверняка сообщат старой Ба, так что жди — та небось уже сегодня примчится из Дербента.

Только не это!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.